

Море

Звонким шипением брызги приборя скальный отвес веками шлифуют. Сила гармонии бурного моря в синих глубинах тайно бушует.

Стрекот дельфинов,
их ультрамелодия
пленно манит в безответные дали.
Крик вольных чаек и ветра рапсодия
душу и сердце навеки украли.

Лидии Павленко.

В твоих глазах я вижу то,
что называется душой.
Та искренность, тот цвет и звук,
что ясно передан тобою.

Я в мыслях плаваю твоих,
что через фразы вытекают.
Все время думаю о них.
Они меня не покидают.

Я сам такой. Моя душа
болит и просит этой музыки.
И я рисую не дыша
в уме те образы, союзы,
к которым я стремлюсь давно...
Но там пока темно, темно.

Колочие иглы подаренной розы
впились в твою нежную, узкую кисть.
Закапали темно-вишневые слезы.
Встань на колени и тихо молись.

Но снежные вихри, метельною стужей
врываясь в твой дом, раздевают тебя
и вмиг умирают холодной лужей,
и, жизнь отражая, вбирают в себя.

Ты видишь, ты слышишь,
ты все понимаешь,
ты чувствуешь ужас, но тихо стоишь.
Мне кажется все ж —
слишком много ты знаешь,
поскольку молчанье упорно хранишь.

Лето

В ночном шептанье тишины
объятий искренняя нежность,
чувств любви моей безбрежность
в тусклом проблеске луны.

На стекле искрит узор
серебром волшебных спикул,
терапия колких игол
превращает лед в «Кагор».

И. М.

Люблю твои нежные «окна» души,
что ласковым взглядом меня
утешают
и что-то безмолвно
с тоской вопрошают
в таинственный миг
благвестной тиши.

А утром хмельным у лесного пруда
дурманно запахнут душистые травы.
Как все-таки были уста твои правы
и очи, зовущие душу «туда».

В лице твоём усталом вижу
ничем не скрытую печаль.

Михаил ШИБАНОВ

Ритм сердца утомленно дышит,
а вены жесткие, как сталь.

В пустом меланхоличном взгляде,
потупившемся мрачно в пол,
я вижу тяжкое страданье,
душевный срессовый раскол.

И безрассудное молчанье
в оковах вечной тишины
оттенком грусти и печали
рисует мир, где все грешны.

Вечер. Берег моря. Скалы.
Взгляд твой нежный и усталый,
созерцающий пожар
раскаленного светила,
что сиянием ослепило
твоих глаз вечерний жар.

Твои стопы омывает
чуть журчащий всплеск волны,
бриз одежду развеивает,
а мечты надежд полны.

Нет мечтам шальным предела.
Окрыленная, взметнув,
птицей счастья улетела,
сном фантазии уснув.

На ночь Богу помолясь,
мать тихонько улеглась
и уснула сей же час.
Видит — раз.

Утомленный лег отец.
Вот уснул он наконец.
Разболелась голова.
Видит — два.

Сын уж книгу дочитал,
сильно за день он устал.
Лег, заснул и, посмотри:
видит — три.

Загасив лучину, дочь
погрузилась в пражу-ночь.
И четыре — видит сон.
Сладкий он.

А в конурке старый пес
облизнул засохший нос.
Сторожит. Не должен спать.
Вот и пять.

Зажиренный гребень усталой рукою
медлительно гладит,
ровняя, седины чела старика.
Убогая койка и стол деревянный,
и хлеба ржаного краюха, не боле.
Кручинится сердце
о смерти старухи.
Невидящим взором
глядят безотрывно
на серую стену глаза, на которых,
колеблясь, блистают соленые слезы.
В оконном проеме чернеющий вечер
глотает последние сумерки света.
Шорохи ночи с шептаньем молитвы
покоят усопшей нетленную душу.
Кряхтя, увалился в холодную койку
тот мученик грешный.

Не спится чего-то.
К утру он уснул, но уже не проснется
и вновь не откроет ослепшие очи.
Навечно закрылись. Навечно уснул он.
И ноют в беспамятстве черные ночи.

Жаркову Дмитрию.
(По Фету).

Шепот, робкое дыханье,
Дима у доски.
И подсказки, и незнанье,
и болят виски.

Вот он «свет» — итог учений,
нет тому конца.
Ряд прикольных искривлений
сонного лица.

Вот сейчас поставят двойку,
и «гуд-бай», сынок.
Облегченно все вздохнули.
Прозвенел звонок.

Александр ПАВЛОВ

Ты словно крейсер многотрубный
плывешь сквозь время, комбинат,
вдоль залежи когда-то рудной...
Кто рад тебе, а кто не рад!

Но ты не с бухты и барахты,
ты — символ вечного труда...
И потому гуляют яхты
по глади твоего пруда.

ГРОТЕСК

Виктор ТРОФИМОВ

ПРОФИЛЬ ИМПЕРАТОРА

Владелец сети магазинов Василий Митьков громко заскрипел зубами и нахмурился, когда Вера Ивановна Жук — директор краеведческого музея — выложила ему на стол пять бронзовых монет I века н. э. с профилем Августа, римского императора.

— Эти монеты, — торжественно и церемонно сказала она, — я нашла на стройплощадке вашего магазина у фундаментной траншеи! Взгляните.

Достав из сумочки длинный костяной мунштук работы конца 19 века, женщина увенчала его сигаретой «Прима». Однако того мгновения, когда молодой человек приподнесет ей огонь из кабинетной зажигалки с золотым орлом, она не дождалась.

Взглянув краем глаза на монеты, Митьков утомленно вздохнул и не спеша поправил узел дорогого галстука; обнаружив пылинку на лацкане пиджака, элегантно сбил ее легким щелчком.

— Весьма любопытно, — сказал он тусклым, чуть хрипловатым баском. — Весьма.

Женщина возликовала.
— А штукатурка с остатками фресок! А фрагменты мраморной статуи, которые я принесла вчера! — лицо ее раскраснелось, сумочка упала на блестящий паркет. — Все это указывает на то, что на месте вашего магазина был античный город и вы должны незамедлительно прекратить строительство!

Митьков насупилсь, сложив толстые, оттопыренные губы подобием дудочки.

— Я не могу остановить работы, — произнес он, длинно и тяжело вздыхая. Пальцы его, густо поросшие рыжими волосами, нервно барабанили по столу.

Вера Ивановна сверкнула глазами и уж чуть было не закричала на Митькова, но выражение его лица в дымке печали и горестных раздумий остановило ее. Она тихо, но твердо промолвила: «Вы это сделаете, а я со своей стороны отправлю монеты и сопроводительные письма в область, в Москву и даже в Италию. Сюда приедут ученые с мировыми именами, журналисты...»

— Постойте! — вскричал Митьков, и в тот же миг в кабинет стремительно ворвался его лысый охранник в двубортном костюме с рукою за пазухой, сжимавшей неизвестный предмет.

— Уйди, грусть моя, уйди, — махнул ему раздраженно Василий. — Постойте, ради Бога, не надо журналистов и ученых, не надо шума!

— Отчего же?
Митьков встал во весь свой двухметровый рост, вышел из-за стола и начал мерить кабинет длинными своими ногами вдоль стены, вдоль закрепленного на изящной треноге государственного флага.

— А о людях вы подумали? — спросил он с дрожью в голосе и едва не сел мимо шикарного из натуральной кожи кресла. — О тех несчастных малоимущих людях, которые придут через месяц на открытие магазина, чтобы купить недорогие продукты, а попадут в итоге... на археологический объект. Что я отвечу им?

Митькову трудно было дышать. Терзая

ворот французской сорочки от кутюр, он оборвал верхнюю пуговицу, скатившуюся по костюму на пол.

— Так и стоят перед глазами днем и ночью, — продолжал он, — силуэты бедных пенсионеров, бредущих от магазина к магазину в поисках дешевой еды... Сердце кровью обливается, — глаза Митькова наполнились влагой, готовый уже просочиться наружу. — Простите меня...

Незаметно для Веры Ивановны Василий нажал пальцем на потайную кнопку, и в тот же миг над его креслом что-то полыхнуло и заискрилось.

Глаза Веры Ивановны под толстыми линзами очков расширились, а брови от удивления поползли вверх; над головой Митькова, сверкая и переливаясь, горел обруч нимба, освещающая чем-то неземным, голубоватым коротко стриженную голову и мощную его челюсть.

«Значит, правы были газеты, — пронеслось в голове у женщины. — Он действительно святой».

... Поток горячего, человеческого тепла, идущий от Митькова, сделал свое дело: толстые линзы ее очков запотели, а глаза увлажнились. Протерев то и другое носовым платком, она водрузила очки на место и обнаружилась, что светящегося нимба над головой Митькова уже нет. Наполовину сложенная, она все же решила пойти на последний штурм.

— Послушайте, Василий, но ведь не хлебом единым... Надо мыслить масштабнее... — сказала Вера Ивановна и осеклась, увидев, как Митьков с лицом, полным мрачной решимости, поднялся со своего кресла и изрек:

— Если строительство магазина прекратят и начнут искать здесь античный город, то вот вам крест (Митьков истоиво перекрестился), я пущу себе пулю в лоб.

— Так уж сразу и пулю в лоб?
Не в силах что-либо вымолвить, Митьков обреченно кивнул головой. Скупая мужская слеза вылезла на его пухлую розовую щеку.

Вера Ивановна стало не по себе. Пожав Митькову руку, она сгребла в горсть монеты и покинула офис.

Остановившись у одной из фундаментных траншей, Вера Ивановна достала монеты с профилем императора и бросила их на дно ямы. Машинально взяв горсть земли, она бросила ее вслед за монетами.

— Спи спокойно, великий из великих, — улыбка нежности блуждала на ее тонких губах, — никто не побеспокоит тебя.

Она не видела, что из широкого окна своего офиса сквозь щели жалюзи за ней наблюдали две пары внимательных глаз: Митькова и его лысого охранника в двубортном костюме.

Отряхнув ладонь от приставших комочков глины, Вера Ивановна прошла по узкой тропинке через стройку и скрылась за углом высотки.

Больше ее никто никогда не видел.

Анвар ЮСУПОВ

Заново

Моей жене.

Ты — цветок, который каждым утром
с удивленьем узнаю опять.
И не я совсем вчера как будто
тот цветок встретился в гневные смять.

Кто же я? Вот этот, что с восторгом
сделать вслух боится даже вдох?
Или тот, кого снесло к истокам
допещерных яростных эпох?

А цветок чуть что — и вдруг сомкнется.
Но куда же спрячешь аромат!..
Ты да дети с внуками, да солнце,
и зачем нам весь эдемский сад?

